

Миновав ослепительно белые стены, Шэнь Юньшу вошла во Двор Радужных Одежд. Первое, что она увидела, были не изящные павильоны и беседки, не тихие качели из глициний, не чистый родник за домом, а более десятка пионов, цветущих в цветнике.

Она удивлённо спросила:

— Ало, как тебе удалось заставить пионы цвести в октябре?

Гу Юйци слегка улыбнулась:

— Юньшу, ты переоцениваешь меня. У меня нет такого таланта. Просто в последние дни погода потеплела, и пионы сами начали выпускать листья и цвести.

Шэнь Юньшу кивнула, её тон был естественным:

— Сто цветов, разумеется, распускаются ради Ало.

Сказав это, она заметила, что собеседница замолчала на мгновение.

— На самом деле, поначалу я не любила пионы. Но со временем, о них говорили так часто, что я сама перестала понимать, нравятся они мне или нет.

Шэнь Юньшу уловила горечь в её словах, но не могла понять причину. Все говорили, что князь Хэн считал свою единственную дочь драгоценной жемчужиной, а сегодня она сама увидела, как княгиня нежно заботится об Ало. Дом князя Хэна в столице был скромен, но пользовался доверием императора, который относился к своей кузине Цило ближе, чем ко многим своим сёстрам.

Ало должна была жить свободно и беззаботно, а не быть скованной.

Шэнь Юньшу не могла не признать, что в этот момент её сердце сжалось от жалости.

— Ало, какие цветы ты любишь? — Она не заметила, как её голос стал мягче.

— Мне нравятся гардении. Бутоны формируются зимой и раскрываются к летнему солнцестоянию, аромат чист и освежает сердце. Листья тоже не вянут круглый год, изумрудные и милые.

Гардении? Неожиданно, но это похоже на неё.

— Кстати, — на лице Гу Юйци снова появилась улыбка, — Юньшу, ты немного похожа на гардению в моём сердце.

— Мама, почему ты так добра к Юньшу? Я никогда не видела, чтобы ты так близко общалась с Цзыпэй, — спросила Гу Юйци, когда Шэнь Юньшу ушла, с недоумением и долей радости.

— Цзыпэй слишком серьёзна, — вздохнула Юй Маньтин. — Я тоже люблю её. Но... ты действительно решила?

— Да, — Гу Юйци убрала улыбку. — Я верю в неё.

Двадцать дней — это не так уж много, но и не мало. Шэнь Юньшу, как обычно, читала и училась, казалось, ничего не изменилось. Но Гу Юйци заметила, что её глаза светятся ярким блеском, словно в них отражаются звёзды.

Мама говорила, что некоторые люди не обладают поразительной красотой, но их уникальная аура притягивает взгляды. К счастью, она вовремя это поняла, иначе жизнь сейчас была бы скучной.

— Вы говорите, что княжна Цило и госпожа Шэнь распространяют в академии идеи о том, что женщины должны быть самостоятельными?

— Да, — почтительно ответила Сунь Синьнин. — Княжна Цило обычно сдержанна и соблюдает этикет, редко говорит с посторонними. Но в эти дни, если кто-то с ней заговаривает, она отвечает пару слов, и другие, естественно, польщены, что бы они ни думали в глубине души. А вторая госпожа Шэнь человек мягкий, но кроме княжны Цило и Линь Хуайсюэ, ни с кем не сближается. В последнее время она иногда сплетничает с одноклассницами, невзначай высказывая своё мнение.

— Что именно они говорят? — спросил Сунь Хао.

Он знал, что в политике не достиг больших высот, и должность начальника отдела Министерства податей получил, вероятно, благодаря своей осведомлённости и осторожности. Когда дело касалось тех семей, независимо от масштаба, нужно было всё выяснить.

— Княжна Цило, говоря о старшей госпоже Чжу, заметила, что хотя после замужества женщина следует за мужем, она не смеет забывать многолетней доброты родителей. Выходя замуж, женщина должна помнить, чьей дочерью она является. В поступках нельзя приносить позор роду, а если встретишь несправедливость, не стоит терпеть молча, лучше подать прошение о разводе, сохранив достоинство.

— В этих словах нет ничего дурного.

Сунь Синьнин сделала паузу, чувствуя неловкость. Отец считал, что слова Гу Юйци правильны, потому что она принадлежит к императорскому роду, а она, воспитанная по стандартам хорошей жены и матери, вероятно, не имеет такого права.

— Княжна восхищалась талантом и дальновидностью своей подруги Чжу Цзыпэй, говоря, что суждение общества о ней несправедливо. Также она упоминала последнюю женщину-генерала предыдущей династии Хуа Жун, в тоне слышалось большое почтение.

— А что насчёт второй госпожи Шэнь?

— Она говорит больше, — спокойным голосом произнесла Сунь Синьнин. — Обсуждая стихи, она часто упоминает нескольких поэтесс предыдущей династии, например, Вэй Яньнян, и очень их почитает. Несколько человек насмеялись, используя тот факт, что они были куртизанками, но Шэнь Юньшу достойно и вежливо ответила им. Другие, вероятно, думают, что она действует по поручению княжны Цило, и не стали чинить препятствий, хотя в душе и пренебрегают этим.

— Нин, что ты думаешь? — Сунь Хао хотел испытать свою дочь. Нин в марте следующего года выйдет замуж, и как хозяйка дома она должна уметь анализировать подобные вещи.

— Дочь не знает, — опустила голову Сунь Синьнин.

Княжна Цило раньше была близкой подругой Чжу Цзыпэй, но они, кажется, достигли какого-то соглашения и не вмешивались в дела друг друга. На этот раз её слова, вероятно, имели причину — по её мнению, это была госпожа Шэнь, которая убедила её.

Однако она не сказала бы этого.

Сунь Хао вздохнул и повернулся к младшей дочери, увидев её обиженное лицо. Он не мог сдержать улыбки и мягко спросил:

— Цяо, кто тебя расстроил?

— Папа, ведь изначально я была подругой Юньшу. Потом пришли княжна Цило и Линь Хуайсюэ, и она стала меня игнорировать, а теперь вообще! Она использует предлог, что в начале учёбы не знакома с одноклассниками, и постоянно ищет других...

Сунь Хао рассмеялся и невольно погладил дочь по голове:

— Похоже, они действительно что-то замышляют. Нин, тебе ничего не нужно делать, просто наблюдай. Но если она выйдет с миром, не отвергай её. Цяо слишком простодушна, присматривай за ней.

Сунь Синьнин сжала губы и кивнула:

— Я запомню.

Свою родную сестру она знала как свои пять пальцев. Цяо не была такой уж наивной, как казалась, но и злых умыслов у неё не было. Но именно это и вызывало беспокойство.

Завершив утренний приём, Гу Циу как обычно вызвал Вэй Цяня, чтобы узнать о последних событиях: от скандалов в домах чиновников до слухов о задержании холодов, что заставило народ радоваться.

— Что ещё задумала эта девчонка Цило?

— Осмелюсь доложить, — Вэй Цянь почувствовал близость Гу Циу к Гу Юйци, — княжна Цило умна и действует осмотрительно, в этом поступке наверняка есть причина.

— Ты, кажется, знаешь, — Гу Циу действительно улыбнулся. Вспомнив о секретном докладе Цянь Чаосяня несколько дней назад, он прищурился. — Через несколько дней издай указ о вызове княжны Цило во дворец.

— Слушаюсь, — Вэй Цянь почтительно склонил голову, видя, что император не намерен продолжать, поклонился и вышел.

Коллеги считали его подхалимом и сторонились его. Вэй Цянь усмехнулся — нынешний император был редчайшим мудрым правителем, и его имя войдёт в историю. Он лишь хотел внести свой вклад в великие дела императора, и летописи сохранят их беседы, увековечив заботу императора о стране и его верность.

— В Павильон Солнечного Феникса.

Подойдя к дворцу с резными колоннами, Гу Циу смягчил выражение лица. Его родная сестра Юнъян прожила здесь семнадцать лет, и в стенах павильона, казалось, до сих пор сохранились её оживлённые лица, когда она обсуждала поэзию, и её мягкие выражения, когда любовалась цветами. А теперь Чэнь тоже живёт здесь уже три года.

Лань, ты ушла три года назад.

Гу Циу остановил евнуха, собирающегося доложить о его прибытии, и тихо вошёл в сад. В цветнике по-прежнему стоял стройный павловния, его кора была зелёной, как изумруд, а листья походили на цветы. Чэнь, хотя и была холодновата по характеру, хорошо ухаживала за этим деревом.

Подойдя к двери, он услышал детский голос, прерывисто зовущий:

— Сест-... сестра, сестра...

Он замер, и в этот момент кто-то взглянул наружу, и все в комнате поспешили встать и поклониться.

— Дочь почтительно приветствует Императора-отца.

Гу Юйчэнь почтительно отступила на шаг, избегая объятий Гу Циу.

Император улыбнулся с лёгкой досадой и посмотрел на двух других в комнате.

— Па, па... — ребёнку, которому только исполнился год, было самое время быть беззаботным. Гу Юйвань была одета в розовое платье, с любопытством протягивала пухлые ручки, выглядела очень мило.

Ван Линцзюнь поспешила взять дочь за руку и поклонилась:

— Раз уж Император прибыл, я и Миньхэ покинем вас.

Она была одета в тёмно-фиолетовое придворное платье, волосы были аккуратно уложены с помощью нефритовой заколки, без излишних украшений.

Гу Циу лишь взглянул на неё, кивнул и не стал задерживать.

<http://bllate.org/book/16779/1542771>